

0773260

На правах рукописи

Л. Бикбаева

БИКБАЕВА ЛИЗА МЭЛСОВНА

**СИСТЕМА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ
МОДАЛЬНОСТИ В ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тобольск – 2008

Работа выполнена на кафедре татарского языка, литературы и МП ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт имени Д.И.Менделеева».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ
Вафеев Равиль Айсавич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Салимова Дания Абузаровна (г. Елабуга)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ АН РТ
Барсукова Рамсия Сибяхатуловна (г. Казань)

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО «Набережночелнинский государственный педагогический институт

Защита диссертации состоится «20» декабря 2008 г. в «10.00» часов на заседании Объединенного диссертационного совета ДМ 212.316.01 по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (татарская литература) при Тобольском государственном педагогическом институте им. Д.И.Менделеева по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт им. Д.М.Менделеева» по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Тобольского государственного педагогического института им. Д.М.Менделеева «19» ноября 2008 года.

Режим доступа: <http://www.tobgpi.ru/info/nauka/aspirantura>.

Автореферат разослан «19» ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439012

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Ф. С. Сайфулина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа посвящена рассмотрению актуальной проблемы современной лингвистики – проблемы анализа средств выражения одного из фрагментов функционально-семантической категории модальности – модального микрополя побуждения в татарском и русском языках.

Актуальность проблемы. Проблематика сопоставительного и типологического изучения различных языков остается в центре внимания современной лингвистики ввиду теоретической и практической значимости главных ее положений в качестве научной основы для решения общих задач преподавания русского языка на базе родного. Актуальность исследования становится более очевидной, если учесть, что в теоретическом плане вопрос о побудительной модальности как в татарском, так и в русском языкознании исследован не в полной мере – в обоих языках недостаточно выявлен семантический потенциал косвенных наклонений, не в полной мере изучено взаимодействие наклонений с другими средствами выражения модальности и вне поля зрения грамматик остается целый ряд морфологизованных глагольных конструкций, аналитических форм и полуграмматикализованных сочетаний, выражающих модальные значения.

Обращение к этой теме вызвано не столько малоизученностью самой проблемы, сколько полным отсутствием работ в области сопоставления и параллельного описания побудительной модальности и средств их выражения на материале публицистики татароязычных и русскоязычных текстов. Изучение побудительной модальности в публицистическом дискурсе способствует более точному осмыслению закономерностей речевой коммуникации.

Знакомство с историей данного вопроса показывает, что работы посвященные изучению побудительной модальности имеются в обоих сопоставляемых языках. Однако исследований, где бы ставилась цель сопоставления средств выражения данной категории в татарском и русском языках в плане установления структурно-содержательной специфики микрополя побудительной модальности на материале публицистических текстов, еще нет.

Выполнение соответствующего анализа на материале двух языков обусловлено рядом причин. Поскольку татарский язык, как известно, по типологической системе относится к аналитическим языкам, русский язык – к синтетическим, то их контекстуально-обусловленные формы, не всегда адекватно могут выражаться в переводе, что при изучении русского языка учащимися-татарами вызывают определенные трудности. Тем не менее, допустимы синонимичные варианты: на каждый случай контекстного употребления побудительных модальных конструкций в русском языке можно найти соответствия в татарском языке и, наоборот, в татарском – соответствия в русском языке. Более того, сопоставительное описание однотипной ситуации средствами разных языков способствует выявлению не только универсальных типологических признаков модального значения побуждения, но и национально-специфических особенностей языковой картины мира.

Объектом исследования является побудительная модальность, выступающая в виде соответствующего микрополя, **предмет** исследования

составили средства ее выражения в татарском и русском языках, фактическим материалом работы послужили примеры, взятые из периодической печати на татарском и русском языках. (Российские газеты (центральные, региональные), а также газеты, издающиеся в республике Татарстан).

Из соответствующих газетных текстов методом сплошной выборки было извлечено и проанализировано более 3500 конструкций с модальными модификаторами побуждения.

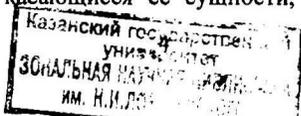
Степень изученности темы. Ряд исследователей в своих работах затрагивают отдельные аспекты категории побудительной модальности. Так, например, этой теме посвящена кандидатская диссертация «Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках» М.Т.Агламовой (1966). В работах М.З. Закиева, М.В.Зайнуллина, А.И. Изотова, И.П. Сусова сделаны интересные наблюдения и выводы, указывающие на многие особенности побудительной модальности. Раскрыты значения императива, модальность желания, возможности, функционирование конструкций со значением возможности и долженствования действия и т.д. Статья Р.А. Вафеева «Принцип коммуникативности русского языка как иностранного» раскрывает функциональную точку зрения принципов коммуникации (2006). Р.Т.Гильфанов в своих публикациях показывает лексико-грамматические средства выражения возможности в татарском и немецком языках, лексико-грамматические средства выражения модальности необходимости в неродственных языках (2004).

Цель диссертационного исследования состоит в установлении системы средств выражения микрополя побудительной модальности в татарском и русском языках на материале публицистических текстов. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- установить место микрополя побудительной модальности в структурно-функциональной иерархии модальных значений;
- охарактеризовать план содержания модального микрополя побудительной модальности;
- определить прагматический компонент в составе микрополя побудительной модальности;
- выявить конструктивный состав плана выражения рассматриваемого микрополя;
- установить типологические признаки средств выражения модального значения побуждения в исследуемых языках;
- выявить внутриязыковую специфику выражения побуждения в татарском и русском языках.

Достижению поставленной цели и решению вышеперечисленных задач служит комплекс методов исследования, включающий методы сопоставительного, описательного, контекстуального, функционально-семантического анализа, метод количественных подсчетов.

Методологической основой исследования послужили труды татарских и русских лингвистов, внесших огромный вклад в положения по проблеме языковой модальности, касающиеся ее сущности, разновидности модальной

семантики, структуры модальных средств. Решение поставленных нами задач стало возможным благодаря известным достижениям лингвистов, представленным, например, в трудах таких ученых, как М.З. Закиев, М.В.Зайнуллин, Д.Г. Тумашева, М.Ю. Ибрагимова, Р.Т. Гильфанов и другие в татарской лингвистике; Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков; М.Т.Агламова в тюркологии; В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, Л.В. Бондарко, Г.Л. Золотова Н.Ю.Шведова Л.В. Петров, И.П.Распопов и другие в русистике.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней впервые проведено комплексное исследование одного из фрагментов функционально-семантической категории модальности – микрополя побудительности в публицистических текстах, предпринято сопоставительное описание специфики реализации модального значения побуждения в языке современных татарских и русских публицистических изданий.

Теоретическая значимость работы определяется функциональным подходом к пониманию содержательной природы модальности, создающим теоретическую базу для комплексного анализа разноуровневых языковых средств. Данный подход создает условия для установления функциональной иерархии средств в микрополе побудительной модальности, а также позволяет выявить универсальные средства выражения побудительной модальности, выявить индивидуальные языковые средства, отражающие этнокультурную специфику, и способствует созданию теоретических основ формирования билингвизма и полилингвизма. Кроме того, данное исследование вносит определенный вклад в разработку теории публицистического дискурса.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов и выводов при дальнейшей разработке теоретических вопросов языковой модальности в целом и побудительной модальности в частности, при разработке вузовских спецкурсов и спецсеминаров по проблемам функциональной грамматики и модальности, по лингвостилистическому анализу языка публицистики в преподавании курсов современного татарского и русских языков, например, при изучении курсов «Теория перевода», на практических занятиях по переводу и по аспекту «Газета», в методике преподавания родного и русского языков при обучении чтению и интерпретации газетных текстов с учетом реализации в них побудительной модальности, а также при разработке лингводидактических основ формирования и развития двуязычия и многоязычия.

Апробация работы. Основные научные выводы, полученные в результате исследования, были изложены и обсуждены в докладах на Всероссийской научно-практической конференции «Сулеймановские чтения». (Тюмень, 2005; 2008); на Всероссийской научно-практической конференции «Менделеевские чтения». (Тобольск, 2006; 2008).

Материалы диссертации были использованы при разработке рабочих программ, лекционных, семинарских занятий при чтении курса «Современный татарский язык» на кафедре татарского языка, литературы и МП ТГПИ им Д.И.Менделеева.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Побудительная модальность является важным структурно-содержательным компонентом функционально-семантической категории модальности и выступает в ней в качестве соответствующего модального микрополя.

2. План содержания микрополя побудительной модальности отличается полифункциональностью, заключающейся в наличии гносеологической и коммуникативной функции, направленной на выявление целевой установки высказываний, а также экспрессивной функции, вызванной желанием говорящего оказать целевое воздействие на собеседника.

3. План выражения микрополя побудительной модальности представлен системой разноуровневых средств, имеющих ядерно-периферийную организацию. Значительную часть ядра и периферии составляют лексическо-грамматические средства, хотя единицы выражения модального значения побуждения могут быть и собственно грамматические, в том числе и синтаксические экспликации.

4. Конституенты модального микрополя побуждения имеют незамкнутый семантический потенциал и представляют собой открытый класс, пополняющийся за счет несобственно-модальных модификаторов и средств выражения, принадлежащих другим микро полям ситуативной модальности – микро полям желательности, необходимости, долженствования, возможности.

5. План выражения микрополей побудительной модальности в татарском и русском языках имеет типологическую основу, обусловленную универсальностью языковой категории модальности. Национальная специфика модальной семантики побуждения отчетливо проявляется при сопоставлении с соответствующими модальными модификаторами татарского и русского языка.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, включающей список использованной научной литературы, перечня источников, а также приложений в виде таблиц и диаграмм, иллюстрирующих полученные результаты исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, степень изученности темы, научная новизна исследования, формируются цель и задачи, дается характеристика материала, объекта и метода исследования, методологическая основа исследования, определяется теоретическая и практическая значимость работы, положения, выносимые на защиту, определяются формы апробации.

Первая глава - «Теоретические основы исследования побудительной модальности в сопоставительном плане» включает в себя четыре параграфа.

В первом параграфе «Языковая модальность как функционально-семантическая категория» рассматривается проблема категории модальности в современном языкознании. Здесь даются необходимые уточнения исходной

позиции в понимании структурно-содержательной природы языковой модальности как функционально-семантической категории.

Важные теоретические положения по проблеме языковой модальности нашли отражение в большом количестве исследований, касающихся ее сущности, разновидности модальной семантики, структуры модальных средств. Анализ имеющихся работ по проблеме языковой модальности свидетельствует, что в целом выделяется несколько точек зрения на природу языковой модальности:

Н.Г. Агадзе пишет: «...модальность как грамматическая категория носит синтаксический характер, наклонение, выражающее эту модальность изменением формы слова, т.е. глагола, является категорией морфологической».

С.И. Ибрагимова квалифицирует модальность как «соотношение высказывания с действительностью с точки зрения говорящего лица»

Предикативность и модальность в интерпретации М.З. Закиева являются фундаментальными параметрами предложения.

Г.В. Колшанский считал, что языковую модальность нельзя понимать как отношение к действительности вообще, так как в этом случае языковая модальность отождествляется с логической и переносится в плоскость установления связи между содержанием высказывания и объективными фактами, что является делом логики и гносеологии

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» модальность квалифицируется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого». Это определение даст возможность толкования модальности как разноаспектного явления, позволяя отнести ее к самым разным пространствам языковой системы и внеязыковой действительности. Языковая модальность есть отражение и выражение отношений языкового мира, это комплексная категория, включающая некую совокупность содержательных значений, выражаемых элементами разных языковых уровней, которые имеют синтаксические функции как элементы структуры предложения.

Мы считаем правомерным квалифицировать языковую модальность как широкую семантическую категорию, состоящую из двух содержательно разнородных пластов - пропозиционального и прагматического; пропозициональная модальность прямо и непосредственно связана с актуализацией обозначаемого события, а прагматическая модальность - с прагматической оценкой сообщения об этом событии.

Агадзе, Н.Г. Система наклонений глагола в современном азербайджанском языке/ Н.А. Агадзе. – Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1967. -5с.

Ибрагимова, С.И. Модальность в условных комплексах французского и азербайджанского языков. Автореф. дис... канд.филол.наук / С.И. Ибрагимова – Баку,1974. - 30 с.

Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка/М.З. Закиев.-М.:1971. -310с.

Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке/ Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. -99с.

Второй параграф «Пропозициональный и прагматический аспекты побудительной модальности», посвящен выявлению языковой модальности как сложной и многоаспектной категории, структурно-содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяется смысловой двуаспектностью предложения, а именно его номинативным (пропозициональным) и коммуникационным (прагматическим) аспектами.

Побудительная модальность, представляя фрагмент гносеологической модальности и характеризуя прагматический (коммуникативный) аспект предложения, выступает не изолированно, а сочетаясь в конкретных высказываниях с пропозициональной модальностью, квалифицирующей их номинативный аспект. При этом на номинативном уровне конструкция формирует явления, процессы нелингвистической действительности и выражает значения объективной модальности, которая образует некий «семантический икс», осложняющий и в то же время расшифровывающий объективную модальность.

Побудительная (волеизъявительная, деонтическая, императивная) модальность предполагает не фактичность, выражая побуждение, накладываемое говорящим на адресата для преобразования нереального положения дел в реальное. Определение побудительности с прагмалингвистической точки зрения как иллюкативной силы коммуникативного значения, в которой находит воплощение интернациональный аспект языкового общения, разработка проблем категории модальности во взаимодействии и корреляции составляющих ее уровней и одновременно обоснование функционально-семантической неоднозначности повелительного наклонения с одной стороны и изъявительного и сослагательного с другой дают основание обозначить статус побудительной модальности как компонента прагматической модальности, участвующей в формировании коммуникативного аспекта предложения.

В третьем параграфе «Побудительная модальность в структурно-семантической иерархии модальных значений» выявляются определенные закономерности функционирования побудительной модальности в системе модальных значений, также уточняются основные признаки функционально-семантического микрополя побудительной модальности.

Побудительная модальность является частью общей системы модальности, в рамках которой она относится к знанию потенциальности наряду с необходимостью, желательностью (оптативностью), возможностью и долженствованием. Эти виды модальности частично пересекаются и влияют на функционирование друг друга.

С позиций функционально-семантического подхода модальность можно представить как функционально-семантическое поле, имеющее сегментированную структуру и объединяющее разнообразные средства выражения оценки говорящим связей и отношений к действительности с точки зрения их характера, степени познанности или желательности, либо как комплекс функционально-семантических полей с указанным содержанием.

Функционально-семантическое микрополе побудительной модальности обладает определенными семантическими признаками: перформативностью, каузативностью, контролируемостью, а также инвариантным признаком потенциальности/гипотетичности. Помимо вышеперечисленного, отмечается действие факторов коммуникативно-прагматической направленности: мотив и цель воздействия; социальную и пространственно-временную дистанцию между субъектами и т.д.. В некоторых случаях интенциональная структура речевого акта включает в себя и разного рода демагогическое обыгрывание побудительности Прескриптора с целью маскировки своей основной интенции и установления желаемого им стиля и тональности в общении.

В четвертом параграфе «Язык газет как объект лингвистического анализа» раскрывается роль языка газет как объекта лингвистического анализа. Язык газет - это особая социальная система, выполняющая функции ориентации и концептуализации действительности, определенным образом формирующая информационно-языковую культуру в обществе. Публицистические высказывания насыщены событиями. Основные концепты события - субъект, предикат и объект, фон события - контекст в широком смысле слова. Особенностью периодической печати является целевое назначение: информировать читателя, воспитывать его, убеждать, побуждать, давать социальную оценку событиям и явлениям внутренней и международной жизни, а также специфика и разнообразие газетных жанров (информационная статья, очерк, фельетон т.д.).

Язык современных газет представляет собой идеальный материал для прагматического анализа, поскольку средства массовой коммуникации в известной мере моделируют речевое поведение человека, отображающего языковые ресурсы в зависимости от созданной ситуации.

Вторая глава «Специфика модального микрополя побуждения в татарском и русском языках» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «План содержания модального микрополя» раскрывается план содержания модального микрополя побуждения в языке печатных СМИ в татарском и русском языках.

Побудительная модальность является важным структурно-содержательным компонентом функционально-семантической категории модальности, устанавливающей живую связь между высказыванием и внеязыковой действительностью. Обращенная к прагматическому аспекту предложения (высказывания), она непосредственно участвует в формировании его коммуникативной перспективы. Директивные или побудительные речевые акты – это специфические типы речевых образований, отличающиеся от остальных разновидностей высказываний своей специфической интенцией (коммуникативным, речевым намерением, целью высказывания коммуникантов), волеизъявлением Прескриптора, направленным на то, чтобы совершилось/не совершилось определенное положение дел. Они характеризуются наличием волевой составляющей в семантике и направленностью на управление поведением адресата. В них Прескриптор, называя определенное действие или состояние, стремится с большей или

меньшей степенью настойчивости заставить адресата стать его исполнителем, то есть изменить определенным образом существующее положение дел. Действительность в данном случае должна быть приведена в соответствие с высказыванием.

Характерной чертой языка печатных СМИ является установление определенной степени контроля над ситуацией, которая реализуется как в выборе формы побуждения и в обращении к Читателю – уважительного или нейтрального, так и в привнесении в семантику высказывания различных отголосков психического состояния Прескриптора – спокойного или аффектированного.

В содержательном плане модальное значение побуждения представляет собственно волеизъявление Прескриптора, направленное на Агенса с целью побуждения последнего к действию. Контролируемость, потенциальность, каузативность и перформативность являются отличительными дифференциальными признаками побудительной категориальной ситуации.

Побудительная модальность одинаково определенно и четко реализуется в татарском и русском языках. При этом план содержания представлен одинаковым набором составных значений побуждения, сохраняя внутриязыковую специфику лишь в степени частотности в реализации тех или иных конкретных значений, что наглядно может быть представлено в соответствующем процентном соотношении. В татарском языке 1) побуждение (приказ) – 29,7 %; 2) желательность – 21,4%; 3) предложение – 16,5 %; 4) инструкция – 9 %; 5) запрещение – 7,9 %; 6) совет – 9,3 %; 7) приглашение – 4,1 %; 8) просьба – 3,2 %; 9) разрешение – 1,1 %; 10) предупреждение – 0,7 %; 11) угроза – 0,2 %. В русском языке 1) побуждение (приказ) – 22 %; 2) инструкция – 20 %; 3) совет – 17,1 %; 4) желательность – 15 %; 5) предложение – 10 %; 6) предупреждение – 8,1 %; 7) запрещение – 2,9 %; 8) просьба, мольба – 4%; 9) разрешение – 1,9 %; 10) приглашение – 0,9 %; 11) угроза – 0,3 %. Кроме того, план содержания побудительной модальности характеризуется наличием трех семантических зон (категоричное побуждение нейтрально – “мягкое” или вежливое побуждение косвенно побуждению) и группирующихся вокруг них частных модификаций побуждения.

При взаимодействии побудительной модальности с модальностью желательности и необходимости Прескриптор выражает собственную волю, объединяя зоны пересечения не только значением волеизъявления. Микрополя желательности и побудительности, побудительности и необходимости пересекаются, причем между ними нет четко выраженной границы и существует зона совместного функционирования.

Специфической особенностью взаимоотношения модальностей долженствования, возможности и побудительности является параллельность их функционирования. Значение побудительности не зависит от значений долженствования и возможности, оно лишь проявляется на их фоне, то есть для Адресата речи воля Прескриптора воспринимается как принуждение к действию, поскольку выполнение действия признается необходимым в силу внешних обстоятельств.

Входя в состав прагматической модальности, раскрывающей коммуникативную перспективу высказывания (его цель, степень достоверности, субъективно-модальную оценку), побудительная модальность выступает в ней в качестве модального микрополя, поскольку данное образование обладает всеми критериями полевого структурирования.

План содержания указанного микрополя представлен тремя подкатегориями, основанными на частных значениях побуждения. Обозначенные подкатегории образуют две семантические зоны: внутрислоевую и межслоевую. В границах внутрислоевой зоны выделяется область частных значений и область внутрислоевой совмещенности. Межслоевая семантическая зона включает четыре категориальных блока, в том числе два блока двуполовой совместимости значений: «побудительность – желательность», «побудительность – необходимость»; и блок трехполового совмещения значений «побудительность – необходимость – возможность». Функция побуждения в таких зонах является для них не основной, а приобретенной в результате функциональной переориентации в строго обусловленных коммуникативно-прагматических контекстах. Существование межслоевых семантических зон показательно в плане подтверждения диффузности как внешних, так и внутренних границ микрополя. Диффузность, которая является одним из регулярных его признаков, обуславливается взаимодействием модального значения побуждения с модальными значениями желательности, необходимости, долженствования, возможности. Основу совмещения «модальных переливов», взаимопересечения значений различных модальных планов составляет как семантическая узость данных модальных оттенков значений, так и сложная диалектическая взаимосвязанность выражаемых понятий (необходимость, волеизъявление, желательность, возможность).

Побудительная модальность в данном случае вытекает из развития ситуации желательности или необходимости. Фоном пересечения являются модальности долженствования и возможности. Каждое побудительное высказывание, помимо семы прямого волеизъявления (побудительности), имеет дополнительные семы: желательности или необходимости, долженствования и возможности, которые всегда имплицитно присутствуют в императивной ситуации. Можно также отметить наличие совместного действия всех упомянутых модальностей в сопоставляемых языках.

Второй параграф «План выражения модального микрополя в сопоставляемых языках» посвящен сравнительно-сопоставительному анализу плана выражения побудительной модальности разноуровневыми языковыми средствами и формами.

Побудительная модальность выражается с помощью разноуровневых языковых средств: форм глагольного наклонения, модальных глаголов и глагольных словосочетаний, модальных слов, фраз и предложений, интонации. Вышеперечисленные интенциональные значения находят формальное выражение в использовании различных групп предикатной лексики, в вариациях вокативных форм, сопровождающих императивный предикат, в добавлении разнообразных служебных элементов, в глаголах речи, сопровождающих и

комментирующих побудительное высказывание (в письменной речи), в различных контекстуальных формах, предвещающих или поясняющих побудительную конструкцию.

Проявление воли Прескриптора в высказывании, побуждение другого лица к выполнению действия, желаемого Прескриптором, связано в татарском и русском языках с особым коммуникативно-синтаксическим типом предложения – императивным. Выражение побудительного типа высказывания морфологизировано в глагольной системе татарского и русского языков в форме повелительного наклонения («боерьк фигьль»).

Доминанту плана выражения побудительных речевых актов составляет категория императивной модальности и ее ядро – повелительное наклонение. Формы повелительного наклонения могут выражать все оттенки значения побуждения от приказа до приглашения. Для того чтобы неимперативные формы воспринимались как директивные, необходимы определенные прагматические условия (например, приоритетность позиции Прескриптора). Использование модальных и других глаголов со значением необходимости обусловлено стремлением Прескриптора сигнализировать о совершаемой им попытке побудить Агенса к действию. Оптативные конструкции употребляются как способы эксплицитного представления желания Прескриптора, чтобы Агенса совершил действие.

Императив можно квалифицировать как одну из грамматических форм модальности – наклонения, и выявить случаи соотношения морфологической формы побуждения – императива – с другими глагольными экспликаторами модального значения в сопоставляемых языках.

Побуждение способно выражаться в татарском и русском языках разными парадигматическими формами одного и того же лексико-грамматического класса.

Семантика побудительности, несомненно, имеет категориальный статус в силу того, что она, помимо интонации, выражается специализированными грамматическими средствами. Таковыми в сопоставляемых языках являются глагольные формы императива, особые структурно-семантические типы побудительных парадигм предложений, которые противопоставлены непобудительным типам.

Наличие разнообразных морфологических, синтаксических и лексических, интонационных средств выражения, семантики побуждения дают основание считать побудительность важной функционально-семантической категорией в татарском и русском языках.

2.1. Способы выражения собственно побуждения.

2.1.1. Способы выражения прямых побудительных высказываний.

Прямые побудительные акты в русском языке составляют большую долю примеров: 51 %, татарском – 30 %. Наиболее частотным и распространенным способом выражения прямых побудительных речевых актов в языке татарских и русских газетных текстов являются императивные конструкции. Среди них мы выделяем несколько групп.

1. *Императивные невопросительные предложения* с отрицанием и без отрицания с глаголами повелительного наклонения: 1) простые; 2) эмфатические; 3) модифицированные присоединительными косвенными вопросами; 4) эллиптические (безглагольные). При этом следует отметить, что в татарском языке отдельную группу составляют императивные фразеологизмы.

2. *Неимперативные предложения*. Среди них мы выделяем несколько типов:

Повествовательные предложения с отрицанием и без отрицания с глагольными предикатами в форме изъявительного наклонения. В татарском языке изъявительное наклонение реализуется в многочисленных спрягаемых формах грамматического времени. В русском языке соответствующие глаголы выступают в форме настоящего времени.

Повествовательные предложения с отрицанием и без отрицания в форме сослагательного наклонения. Татарское сослагательное наклонение, как и повелительное, не имеет временных форм. Так, если повелительное наклонение направлено на будущее, то действие, выраженное им, может относиться к любому временному плану. Наиболее распространенной формой сослагательного наклонения является форма глагола *-р иде*.

Повествовательные предложения с модальными глаголами и предикативами в сочетании с зависимым инфинитивом выражают следующие модальные значения:

а) значение возможности, которое в татарском языке эксплицируется главным образом полностью морфологизованной конструкцией, состоящей из деепричастия *-а/-э/-й* смыслового глагола и функционально-вспомогательного глагола *алу* «брать» в положительной или отрицательной форме, которое в русском языке, передается модальными модификаторами *мочь, можно, нельзя, невозможно, волен*;

б) значение долженствования в татарском языке эксплицируется при помощи составного глагольного сказуемого – сочетание инфинитива на *-рга/-ргә* с модальными словами *кирәк, кирәкми, тиеш, тиешмен, тиешбез, тиешсез, тиешләр*. Оттенки долженствования также передаются аффиксами *-ачак/-эчәк*, а в русском - при помощи таких модальных предикативов и модальных слов как *нельзя, должен, не/надо, должно быть* и др.;

в) значение необходимости, которое в татарском языке выражается морфологизованной конструкцией аффикса *-асы/-әсе/-исе бар(юк)*, также неопределенной формой глагола в сочетании с модальным словом *кирәк*. Причастие на *-асы/-әсе* активно употребляется в сочетании с различными модальными словами и вспомогательными глаголами. Весьма распространенными являются сочетания причастия на *-асы/-әсе* с модальными словами *бар* и *юк*. Модальные конструкции типа *барасы бар* и *барасы юк* выражают необходимость или отсутствие необходимости совершения какого-либо действия. В русском языке это значение выражается при помощи модальных предикативов *пора, нужно, необходимо*.

Повествовательные и вопросительные предложения с отрицанием и без отрицания со значением желательности. Например: «Кадерле укучым, минем

белән шул сихри дөньяга чумырга телисеңме?» (Хотел бы ты, мой читатель, окунуться в этот сказочный мир?) («Татарстан яшьләре», январь, 2007); «Хотели бы Вы, мой читатель, погрузиться в волшебную атмосферу сказочного фестиваля?» («Звезда Лангепаса», август, 2005).

Оптативные предложения с отрицанием и без отрицания. В татарском языке основными средствами выражения оптативной модальности являются желательное наклонение и такие лексико-грамматические средства: форма 1 лица ед. числа; синтетические формы глагола с аффиксами *-гай, -гыр*; форма на *-асы/-әсе/-ыйсы кил-*; форма на *-асы/-әсе/-ыйсы иде*; инфинитив в предикативной функции; форма на *-рга/-ргә иде*; формы сослагательного наклонения в 1 лице ед. и мн. числа; формы повелительного наклонения 2 лица + *иде* и 3 лица + *иде*; формы условного наклонения на *-са/-сә иде* без глагола следствия. В татарском языке формы оптатива более частотны, чем в русском. В обоих языках наиболее распространенными средствами оказались формы повелительного и сослагательного наклонений.

Различие заключается в том, что в татарском языке имеется специальная форма наклонения для выражения оптативных значений - наклонение желания (теләк фигыль).

Вопросительные предложения с отрицанием и без отрицания. Например: «Безнең сорауларга жавапны хәзер үк кәтәргә мөмкинме?» (Можем ли мы дожидаться ответа на свой вопрос?) («Акчарлак», август, 2007); «Стоит ли вам терять ваше дорогое время?» («АиФ», август, 2004).

Менее распространенным (по отношению к императивным конструкциям) способом выражения прямых побудительных актов в языке русско- и татароязычных текстов являются каузативные конструкции. При этом характерной особенностью семантико-синтаксической структуры каузатива является эксплицитность выражения его основных семантико-синтаксических компонентов. Однако опущение или совмещение некоторых из них возможны в неполных вариантах конструкций как в татарском, так и в русском языках. В узусе преобладает использование каузативных конструкций в повествовательных предложениях, относящихся к коммуникативному типу сообщения.

2.1.2. Способы выражения косвенных побудительных высказываний.

Косвенный речевой акт в поле побудительности имеет место как в том случае, когда для выражения значения побуждения используется вопросительное или повествовательное предложение, так и при использовании побудительного предложения с иллокутивной силой вопроса или сообщения. Однако круг косвенных речевых актов в поле побудительности оказывается еще шире и включает в себя чаще всего такие речевые акты, как приказ, совет, просьба, пожелание, разрешение и т.п.

Косвенные способы выражения побудительных речевых актов составляют значительную долю в корпусе зафиксированных примеров на татарском языке (около 69 %) и основной корпус примеров побудительных речевых актов на русском языке (около 55%).

Косвенный речевой акт со значением просьбы также эксплицируется при помощи вопросительных предложений. В татарском языке доля таких примеров составляет 28%, в русском – 26%.

Далее по частотности употребления следуют повествовательные предложения с различными модальными глаголами с отрицанием и без отрицания. В татарском языке их доля равна 20%, а в русском – 21 %.

Кроме вышеперечисленного, косвенные речевые акты со значением предложения и приглашения могут эксплицироваться вопросительными предложениями. При этом первые составляют в корпусе примеров на русском языке около 12,9 %. Косвенные приглашения – самая малочастотная разновидность побудительных речевых актов, их доля составила 5,7 % и 10,9 % в корпусе примеров на татарском и русском языках соответственно.

2.1.3. Способы выражения побудительных речевых актов, распределенных по их семантическим модификациям. В сделанной нами выборке побудительных конструкций из газетного материала на татарском и русском языках мы распределяем на основе способа выражения побудительных речевых актов по семантическим модификациям в порядке убывания степени необходимости выполнить действие.

1. *Побудительные речевые акты*, близкие к приказу, категоричному желанию и настоятельной просьбе, выражаются в татарском текстовом материале в большинстве случаев:

а) инфинитивной формой глагола в значении повелительного наклонения (побудительный инфинитив). Собственно императивное значение имеют формы 2-го лица в утвердительных и отрицательных формах. К подгруппе глаголов, объединенных значением категоричности, убежденности в том, что обращение Прескриптора будет выполнено из-за настоятельной потребности в ней, относится лексическая основа глагола, не выражающая никакого грамматического значения: *уку-, яз-, кабатла- и т.д. + кирәк*. Основным семантическим признаком вышеперечисленных глаголов является настоятельное требование, предполагающие, что Агенс подчиняется законам и правилам, которые диктует ему говорящий в силу своей авторитарности. В подобных случаях активизируются семы быстроты, немедленности исполнения Прескриптором требуемого действия. Такие высказывания типичны для интервью и очерков, а также художественных текстов со значением собственно императива;

б) специализированной грамматической формой, образованной из причастия на *-асы/-әсе* и вспомогательного глагола *бул*. Данная модальная конструкция употребляется только в отрицательном аспекте и выражает категорическое запрещение: *китәсе булма, язасы булма*. Особенностью этой формы является то, что она употребляется только во 2-ом лице повелительного наклонения. Показателей других наклонений она не принимает, поэтому данную форму можно квалифицировать как запретительную форму повелительного наклонения или как самостоятельное запретительное наклонение (прохибитив);

в) наречиями времени совместно с ограничительными частицами и послелогами: *хазер ук, буген ук, кичкэ тиклем, тиз генэ* и т. д.;

г) при помощи семантики слова, которое способствует выражению резкого повеления;

д) с помощью аналитических конструкций, состоящих из деепричастной формы и служебного глагола *калу*;

е) лексическим окружением глагола повелительного наклонения значительно огрубляющим побуждение и делающим его категоричным;

В русском языке аналогичные побудительные речевые акты передаются чаще всего следующими грамматическими средствами:

а) синтетическими формами повелительного наклонения в утвердительных и отрицательных формах. Такой вид высказываний встречается в основном в полемических статьях и очерках. При этом императивы совершенного вида при поддержке соответствующего контекста частотно могут выражать значение смягченного волеизъявления. Императивы несовершенного вида выражают значение категорического (побуждения к немедленному выполнению действия) волеизъявления при поддержке соответствующего контекста;

б) сочетаниями модальных предикативов и модальных глаголов с зависимым инфинитивом. Самыми частотными здесь являются сочетания с модальными предикативами *нужно, достаточно, необходимо, надо* с отрицанием и без отрицания. Такие побудительные речевые акты характерны для журналистских расследований и очерков и т.д.

Периферийными способами выражения собственно побуждения (приказа) являются наречные и именные конструкции, которые в основном составляют заголовки статей, отдельные типы слоганов реклам и т.д.

Вопросительные предложения при отсутствии отрицания выражают прямое побуждение лишь в особых прагматических условиях, когда Прескриптор считает, что Агенс давно уже должен совершить требуемое. Не случайно в таких высказываниях часто используются слова и словосочетания *наконец / наконец-то, в конце концов, когда-нибудь*.

2. *Инструкция, предписание* в татарском языке – не очень распространенная разновидность прямых побудительных высказываний, она составляет всего лишь 8,1 % от всего корпуса примеров и выражается в основном повелительным наклонением, то есть глаголами во 2-ом лице множественного числа в простом настоящем времени в утвердительной и отрицательной формах. Однако данные значения, объединенные общим значением предписания, относительно реже выражаются глаголами: *ниятләү, исәп итү, ...мәкче булу*, (намереваться), *инструкция бирү, җитәкче курсәтмәләре бирү* (инструктировать), *ризалык алу, яраштыру* (согласовывать), *хуплау, риза булу, рөхсәт бирү* (одобрять), *хәл ителеш, чышелү* (разрешить) и т.д.

В русском языке инструкция, предписание выражается в основном:

а) сочетаниями модальных предикативов и модальных глаголов с зависимым инфинитивом, таких как *должно (быть), необходимо, надлежит, нужно*. Основной корпус примеров со значением инструкции или предписания

встречается в статьях-обзорах или рекламных статьях, описывающих способ работы того ли иного прибора;

б) вторыми по частотности способами выражения инструкции в русском языке являются синтетические формы повелительного наклонения (личные формы глаголов 2-го лица, мн. числа).

3. *Совет* в татарском языке выражается специализированной аналитической формой повелительного наклонения, образованной сочетанием деепричастной формы на *-ын/-ен, -ан/-эн* и вспомогательного глагола *калу*: *алын кал, эйтел кал*. “Соңлап калмагыз, укып калыгыз” (Не опаздывайте, торопитесь учиться).

Это значение присуще только 2-му лицу повелительного наклонения.

Значение совета делать что-либо, предварительно его обдумав, подчеркивается употреблением побудительного модального слова *-кара, карагыз* в начале предложения.

Значение совета может выражаться сочетанием глагола повелительного наклонения с глаголом *уйлау* в деепричастной форме: *уйлап сойла, уйлап эйт*. А форма инфинитив + *кирәк* и *иде* выражает совет со значением желательности.

В русскоязычных текстах совет выражается в основном:

а) аналитическими формами повелительного наклонения. Данный вид побудительных речевых актов встречается в основном в интервью и аналитических обзорах;

б) сочетаниями модальных предикативов и модальных глаголов с инфинитивом, таких как *надо, следует* с отрицанием и без отрицания;

в) императивной фразеологической конструкцией «лучше/бы + инфинитив». В более редких случаях рассматриваемое значение выражается с помощью перформативных глаголов советовать, рекомендовать, употребляемых в форме 1 лица настоящего времени.

4. *Побудительные речевые акты со значением предложения* в текстах на татарском языке представлены предикативными модальными словами *кирәк, тиеш, мөмкин*, гипотетические модальные слова *бәлки, могаен, ахыры, бугай* и т.д и вспомогательным глаголом *бул, була* + *бит*, глаголов с зависимым инфинитивом *мөмкин булса, тәкъдим итү*, словосочетанием *булырга кирәк*. Эти речевые акты, как правило, реализуются в контексте. Структурной особенностью данного значения является наличие обращения. Частицы *эйдә, эйдәгез* употребляются в тех конструкциях, где выражается значение предложения совершить какое-либо действие совместно с говорящим лицом.

Речевые акты со значением предложения в русском языке представлены сочетаниями модальных предикативов и глаголов с зависимым инфинитивом *можно, нужно, не мешало бы*, а также модальных слов *может, может* быть и др. Периферийным средством выражения таких речевых актов является перформативный глагол *предлагать*.

5. *Предупреждение и запрещение* в татарском языке выражаются главным образом:

а) повелительным наклонением, образованной сочетанием деепричастной формы на *-ын/-ен* и служебных глаголов *калу, бару, киту*;

б) модальными словами *кара, карагыз* в начале предложения;

в) сочетанием глагола повелительного наклонения с глаголом *уйлау* в деепричастной форме: *уйлап эшлэ*. Для усиления повеления часто используются вводные запретительные императивы типа *куйчы эле, туктагыз соң, житар дим сезгэ, тавышыңны чыгарма тукта эле, ишетәсем дә килми, күрәсем дә килми*.

Значение запрещения представлено следующими формами:

1) модальным словом *юк*, которое часто занимает препозитивное положение, при этом глагольное сказуемое всегда принимает аффикс отрицания;

2) запретительной формой будущего категоричного времени наряду с аффиксом *-ма/-мэ* образуется при помощи отрицания *түгел*; 3) модальное слово *түгел* образует отрицательную форму модальных слов *тиеш, мөмкин, кирәк түгел, тиеш түгел*. Модальное слово *түгел* употребляется с причастными формами *-ырлык/-ерлек, -малы/-мәле, -маслык/-мәслек* + аффикс, также модальная конструкция на *-ырга/-ергэ* + *мөмкин түгел*.

В русском языке побудительные речевые акты со значением предупреждения выражаются, главным образом, модальными глаголами и предикативами, типа *мочь, нельзя, не/надо*, причем во втором случае используются лишь отрицательные формы. В единичных случаях зафиксированы примеры с перформативным глаголом *не/позволять*.

6. *Просьба* в текстах на татарском языке представлена модальными словами *зинһар зинһар өчен, гафу итегез, аңлыйсызмы, карагыз* + частица *эле*. Здесь частица *эле* конкретизирует значение оптативной формы. Частица *инде*, употребляясь совместно с формами желательного наклонения, усиливает их модальное значение, выражает настоятельную форму. Обычная просьба передается посредством форм 3-го лица, а просьба совершить то или иное действие со стороны групп лиц передается инклюзивной формой оптатива или 1-м лицом мн. числа желательного наклонения.

В русском языке просьба выражена сочетаниями модальных предикативов и модальных глаголов с инфинитивом и синтетическими формами повелительного наклонения. В некоторых случаях мы сталкивались с такими языковыми средствами, которые при выражении побуждения имеют оттенок некоторого недружелюбия. Например: *Потрудитесь встать*. В отличие от вышеприведенных сочетаний, формула *Вам не трудно* может использоваться для выражения самой вежливой просьбы.

7. *Разрешение и приглашение*. В татарском языке приглашение представлено в основном в рекламных объявлениях сочетанием модального глагола с простым инфинитивом. Здесь частицы *әйдә, әйдәгез* употребляются в тех предложениях, где выражается приглашение совершить какое-либо действие совместно с говорящим лицом. Эти значения передаются также аналитической формой 2-го и 3-го лица повелительного наклонения, состоящей из деепричастия на *-ын/-ен* и служебного глагола *карау*, также конструкцией, которая образуется посредством сочетания деепричастной формы и служебного глагола *бирү, эшләп бирсен, килсен, ала бирсен, көлә бирсен сөйли бирсен* и т.д.

Частица *әйдә*, *әйдәгез*, если гортативная частица *әйдә* употребляется не в начале предложения, а занимает постпозитивное положение, то выражает значение разрешения с оттенком желания. Значение разрешения с оттенком некоторого безразличия или одобрения передает частица *-да/-дә*, которая употребляется с 3-м лицом повелительного наклонения.

В русском языке разрешение выражается в основном модальными глагольными словоформами *можете*, *можешь* и предикативами *можно* в сочетании с инфинитивом. Примеры, содержащие перформативный глагол *разрешать*, представлены незначительным числом употребления.

8. *Угроза*. В татарском языке данное значение выражается посредством формы 3-го лица повелительного наклонения, а именно сочетанием модально-вспомогательного глагола *ал*, *сук*, *бәр*, и т.д., с частицами *-сын/-сен*, *-гыре/-гере* и слов употребляемых в качестве вводных слов *наләт*, *каһәр*, *шайтан* и т.д. Данная конструкция в отрицательной форме выражает добрые пожелания говорящего.

В русском языке значение угрозы выражается чаще всего посредством последовательности предложений, включающих в свой состав форму императива и форму будущего времени глагола, указывающего на возможные последствия неподчинения побуждению.

2.2. *Ситуация «побудительность – желательность – возможность»*. Желательность квалифицируется как семантическая категория, присущая оптативной модальности, то есть такой модальности, где присутствует релевантный семантический признак неадресованного высказывания. Желательность, являясь категорией внутренней модальной рамки, входит в число значений, составляющих рамку (модус) объективной модальности. В этом случае она очень тесно граничит со значением волеизъявления, так как направлена на объект другого действия, которое выражается объективным инфинитивом. В этом случае желание относится к прагматической модальности и имеет целевую установку речи – побуждение. И чаще всего они передаются многочисленными аналитическими конструкциями – специализированными лексико-грамматическими средствами выражения оптативной модальности в татарском языке, а в русском выражается неформативными глаголами *прошу*, *требую*, *умоляю* и др.

Самая распространенная среди аналитических конструкций в татарском языке – это *-ергә/-ырга*, образованная сочетанием модального слова *тиеш*. Данная конструкция имеет все временные формы изъявительного наклонения и формы некоторых других наклонений. При этом резких границ, отделяющих желание от побуждения, на наш взгляд, нет, то есть эти границы диффузны. Например: *Син бу эшне эшләргә тиеш / Ты должен выполнить эту работу*. Значение прямого должествования в этих примерах является мнимым, на самом деле – это косвенное побуждение, представленное в виде желания.

Для выражения возможности – желательности в современном татарском языке используются две разновидности составных глагольных сказуемых:

а) глагол *ал* – в сочетании с деепричастием смыслового глагола на *-а/-ә/-ый* (*бара ала*, *көрә ала*, *укый ала*); б) глагол *бел-* с деепричастием основного, смыслового глагола на *-а/-ә/-ый* обозначает процесс, который умеет выполнять

действующее лицо: (*укый белә, эшли белә*). Значение модальной конструкции – *ын/-еп –бул* сводится к следующему: положительная форма обозначает потенциальную возможность совершения какого-либо действия при наличии определенных условий. При этом конкретно указывается, что действие возможно в данном месте и с данным объектом или оно возможно вообще.

Частица *але* конкретизирует значение оптативной формы, говорящий при помощи этой частицы утверждает необходимость, желательность скорейшего совершения действия, свою решимость, уверенность в этом. Частица *-чы/-че* усиливает значение желательной формы в эмоциональном плане. Значение желания также передается аналитическим сочетанием, состоящим из причастия должествования на *-асы/-әсе* и служебного глагола *килу*.

Значение абстрактного желания передается оптативной конструкцией, состоящей из условного наклонения и вспомогательно глагола *иде*.

Конструкция, выражающая модальное значение желания, в татарском языке образуется и сочетанием инфинитива на *-ырга/-ергә*, также оптативной конструкцией, состоящей из условного наклонения и вспомогательного глагола *иде*. А сильное желание передается аналитической конструкцией, составленной из глагола повелительного наклонения в 3-м лице и вспомогательного глагола *иде*. Значение желания с оттенком опасения и сомнения имеет трехчленную конструкцию, состоящую из отрицательной формы условного наклонения, модального слова *ярар* и вспомогательного глагола *иде*: *кишмәсә ярар иде, бармаса ярар иде*.

Данная семантическая категория выражается в русском языке в основном глаголами *хотеть* и *желать* в различных грамматических формах (хотел, хочется, хотелось бы, желательно и др.), также вышеупомянутыми перформативными глаголами.

Деонтическая возможность предполагается в речевых актах со значением разрешенности, а деонтическая не/возможность – в речевых актах со значением запрещенности.

В татарском языке деонтическая возможность и невозможности выражаются:

а) аналитической конструкцией, состоящий из сочетания деепричастной формы на *-ын/-еп* и вспомогательного глагола *бул*: *язып була*. Употребляются безличные (неспрягаемые) варианты этой модальной конструкции. На внешние условия, позволяющие или препятствующие реализации определенных действий, указывают придаточные предложения причины и времени. Данная конструкция имеет все формы времени изъявительного, условного и сослагательного наклонений: *эшләп була, эшләп булар, эшләп булды* – изъявительное наклонение; *эшләп булса, эшләп булса иде* – условное наклонение; *эшләп була иде* – сослагательное наклонение;

б) аналитической конструкцией, образованной сочетанием инфинитива на *-ырга/-ергә* и вспомогательного глагола *бул*–. Вспомогательный глагол *бул* в данной конструкции употребляется только в формах настоящего и будущего времени. Если вспомогательный глагол *бул* принимает аффикс прошедшего

времени, то данная конструкция выражает модальное значение намерения совершить какое-либо действие;

в) аналитической конструкцией, состоящей из инфинитивной формы на *-ырга/-ергэ* и модального слова *мөмкин*, данная модальная конструкция по своему значению идентична модальной конструкции типа *алырга була*. Эта модальная конструкция имеет все формы времени изъявительного наклонения, а также форму условного, сослагательного наклонений. Формы времени и наклонений образуются при помощи вспомогательного глагола *бул, иде*;

г) аналитической конструкцией, состоящей из деепричастной формы на *-а/-ә/, /-й* и десемантизированного вспомогательного глагола *ал-*;

д) сочетанием инфинитивной формы на *-ырга/-ергэ* и модального слова *ярамый*.

Основной формой, выражающей значение возможности, невозможности, является полностью морфологизованная конструкция, состоящая из деепричастия *-а/-ә/-й* смыслового глагола и функционально-вспомогательного глагола *алу* «брать» в положительной или отрицательной форме. Данная конструкция является ядром (центром) модального поля возможности. Формы *-ып бул-, -рга/-ргэ бул-* можно отнести к его ближней периферии, а все остальные - к дальней.

Деонтическая возможность – пермиссив эксплицируется в русском языке прежде всего глаголом *мочь* в форме 2 лица; употребляется в составе речевого акта разрешения или предписания даваемого Прескриптором. Показатели деонтической возможности способны к перформативному употреблению в речевых актах, содержащих такие модальные модификаторы, как *разрешаю, позволяю, предписываю, настоящим разрешается*. Модальный предикатив *можно* (реже модальная глагольная словоформа *могу я?*), употребленный в общевпросительном предложении, играет роль прямого показателя просьбы, разрешения. В конструкциях, где форма *можно* выступает в значении “разрешено”, регулярно употребляются частицы с ограничительным значением *лишь, ли*.

Деонтическая не/возможность – запрет эксплицируется в русском языке модальным предикативом *нельзя* (= *не дозволено*), глаголом *позволять* с отрицанием. Описанные выше экспликаторы деонтической возможности (*мочь, можно, нельзя, не/возможно, иметь возможность*) составляют ядро данного микрополя и имеют значительный функциональный вес. Ближнюю периферию микрополя образуют перформативные глаголы *позволять, разрешать, предписывать*.

Дальнюю периферию микрополя составляет краткое прилагательное *волен* в сочетании с инфинитивом, актуализируя значение “иметь право, возможность поступать по своей воле, по своему желанию, усмотрению” (БТС) и глагол *не/удаваться*, в значении “сделаться, случиться по желанию” (БТС). Иногда в таких побудительных высказываниях можно выделить оттенок желательности, имплицитно представленный в семантике глагола *удаваться*, который эксплицируется в подтексте.

2.3. Ситуация «побудительность – долженствование». Модальные модификаторы деонтического долженствования обычно употребляются лишь в повествовательных предложениях, когда их используют в качестве косвенных директивных речевых актов. Для выражения деонтического долженствования в татарском языке служат многочисленные аналитические конструкции и формы, состоящие из сочетания инфинитивных, причастных форм и модальных слов и вспомогательных глаголов.

1. Конструкции типа *-ырга/-ергә кирәк* широко распространенная форма и используется, как правило, в прозаических и публицистических произведениях:

а) при помощи вспомогательных глаголов *иде, бул- и тор-* образуются сложные временные формы: *алырга кирәк иде, алырга кирәк тугел иде, алырга кирәк булды, алырга кирәк булган иде, алырга кирәк була, алырга кирәк булачак, алырга кирәк булыр инде;*

б) отрицательная форма модальной конструкции *-ырга/-ергә кирәк* образуется двояким образом: 1) посредством аффикса *-ма/-мә*, который присоединяется к модальному слову *кирәк*. Аффикс *-ма/-мә* может присоединиться и к основе инфинитива: *алмаска кирәк*; 2) отрицательное значение также передается при помощи модального слова *тугел*: *алырга кирәк тугел* – не надо брать.

2. В отличие от модальных конструкций, в состав которых входит модальное слово *кирәк*, модальная форма *тиеш* употребляется только в финитивном значении, т.е. служит сказуемым только в личных предложениях.

Отрицательное значение временных форм данной модальной конструкции передается по-разному: само модальное слово *тиеш* не принимает аффикса отрицания *-ма/-мә* присоединяется к основе либо инфинитива, либо вспомогательного глагола *бул*. Отрицательная форма образуется и при помощи модального слова *тугел*. Модальная конструкция *тиеш* обладает семантикой необходимости совершения действия, а в слове *кирәк* превалирует значение долженствования.

В русском языке аналогичные значения побудительности выражаются такими глаголами, как *обязать, предписать, велеть*. Специальными средствами выражения деонтического долженствования служат такие наречия, как *необходимо, неизбежно, обязательно, непременно*. Каждый из этих модификаторов характеризуется определенными особенностями употребления в языке. Наречие *необходимо* обычно используется в позиции предиката и подчиняет инфинитив или придаточное, вводимое союзом *чтобы*. Для лексемы *обязательно* более характерно обстоятельственное употребление. Для лексемы *непременно* наречное употребление единственно возможное. Кроме вышеперечисленного, периферийными средствами выражения деонтического долженствования являются модальные предикативы *должен* (в его морфологосинтаксических модификациях), *нельзя, не/надо*.

2.4. Ситуация «побудительность – необходимость». Деонтическая необходимость в исследуемом фактическом материале на татарском языке эксплицируется многочисленными аналитическими конструкциями, формами

состоящими из сочетания инфинитивных, причастных форм, модальных слов и вспомогательных глаголов.

Модальные слова со значением необходимости выражаются словами *кирэк* (с отрицанием и без отрицания), *тиеш* (с отрицанием и без отрицания). Отрицательная форма модальных слов *кирэк* и *тиеш* образуются не только посредством сочетания с другим модальным словом *түгел*, а также при помощи аффикса *-ма/-ма*. Для перечисленных модальных лексем естественной является деонтическая направленность, которая ассоциируется с желанием Прескриптора. Деонтическая необходимость, выражаемая данными средствами, обозначает необходимость, возникающую в силу внешних обстоятельств (правил, законов, предварительной договоренности).

Значение вынужденности, строгой обязательности совершить то или иное действие выражается описательной формой, состоящей из инфинитива на *-ырга/-ерга* и словосочетания *туры килу*: *көтергә туры килә, көтергә туры килер, көтергә туры килде*.

Словосочетание *туры килу* имеет все формы времени, сказуемым которых является описательная форма *барырга* + *туры килу*, которое означает констанцию необходимости совершения действия в момент речи либо сообщение о том, что вынужденное действие уже состоялось. Необходимость совершения какого-либо действия в прошлом, сожаление по поводу не состоявшегося действия передается аналитическим сочетанием типа *барасым калган – надо было сходить..*

Можно утверждать, что в татарском языке среди системы форм и конструкций, обозначающих необходимость, наиболее часто употребляемой формой является конструкция, образованная на основе инфинитива *-рга/-ргә кирэк*, которую можно считать доминантой (ядром) поля необходимости. Форма *-асы* и ее производные составляют ближнюю периферию данного поля, а глаголы с семой необходимости - дальнюю периферию.

В газетном материале на русском языке деонтическая необходимость преимущественно выражается посредством предикатива *пора* в сочетании с зависимым инфинитивом.

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования. В частности, подчеркивается, что план выражения микрополей побудительной модальности в татарском и русском языках имеет типологическую основу равноуровневых средств побуждения. Она выражается в функционально-структурной рядоположенности таких экспликаторов побуждения, как морфологические, интонационные формы повелительного наклонения, модальные глаголы и предикативы, модальные слова и словосочетания, неимперативные конструкции. Вместе с тем достаточно отчетливо прослеживается и внутриязыковая специфика в характере выражения рассматриваемого модального значения в сопоставляемых языках.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ НАШЛИ ОТРАЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и печати РФ:

1. Бикбаева, Л.М. План выражения модального микрополя побуждения в татарском и русском языках / Л.М. Бикбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2008. - № 11. – С 105-115.

Другие публикации:

2. Бикбаева, Л.М. Модальность «утверждения» и «отрицания» в татарском и русском языках / Л.М. Бикбаева // Сулеймановские чтения: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2005. – С.36-37.
3. Бикбаева, Л.М. Полевой подход к сопоставительному анализу побудительной модальности в татарском и русском языках / Л.М. Бикбаева // Менделеевские чтения: материалы Всероссийских Менделеевских чтений, посвященных 90 - летию Тобольского учительского института. Тобольск, 2006. – С.174-175
4. Бикбаева, Л.М. Побудительная модальность в структурно – семантической иерархии модальных значений / Л.М. Бикбаева // Сулеймановские чтения: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск, 2008. – С.113-116.
5. Бикбаева, Л.М. Основные признаки функционально-семантического микрополя побудительной модальности в сопоставительном плане/ Л.М. Бикбаева // Менделеевские чтения: материалы Всероссийских Менделеевских чтений. Тобольск, 2008. – С. 144-146.

Л. Бикбаева

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать 18.11.08
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. 1,6 л. Тираж 100 экз. Заказ №. 1352

Печать, брошюровка и переплет минитипографии
ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института
им. Д.И.Менделеева»
626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.